

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ГОДЪ 1867—68.

1924
461/2

Составленный изъ трудовъ Гг. о. арх. Амфилохія, А. Н. Афанасьева, А. В. Брыкина, В. Н. Виноградскаго, К. К. Гёрца, В. В. Григорьева, П. С. Казанскаго, Н. В. Калачова, А. А. Котляревскаго, П. И. Лерха, М. А. Максимовича, Д-ра В. Маннгардта, г. Минха, К. И. Невоструева, И. С. Некрасова, А. А. Потебни, А. Н. Пышина, Д. В. Разумовскаго, г. П. Ревякина, Д. П. Сонцова, И. И. Срезневскаго, А. Терещенка, В. Е. Тизенгаузена, гр. К. П. Тышкевича, гр. Е. П. Тышкевича, гр. А. С. Уварова, Д. О. Шепинга, Э. И. Эйхвальда, и др.

Съ десятью литогр. снимками и политипажамъ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.
1868.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ ВОДУ, КАКЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БРАКА.

Земной бракъ перенесенъ древнимъ человѣкомъ на небо, приписанъ богамъ и послужилъ такимъ образомъ объясненіемъ извѣстныхъ отношеній между явленіями природы; въ свою очередь бракъ небесный сталъ объясненіемъ таинства земнаго брака. По Арійскому вѣрованію, довольно явственные слѣды коего сохранилась и у Славянъ, конечная причина людскаго брака и рожденія есть бракъ и рожденіе небесныхъ существъ, такъ какъ земная невѣста есть воплощеніе небесной, земной женихъ — воплощеніе божественнаго жениха (см. мое соч. О миѣ. зн. нѣкот. обр. и пов. стр. 225 слѣд.), зачатіе и рожденіе есть земное повтореніе небеснаго событія. Позднѣе уже отрицается тождество небеснаго брака съ земнымъ, и первый становится только освящающимъ первообразомъ послѣдняго. Такъ въ Ригведѣ хотя невѣста, бывшая по очереди собственностью нѣсколькихъ боговъ, еще повидимому тождественна съ богинею, но одинъ изъ боговъ (Гандхарва) передаетъ свои права на невѣсту жениху, изъ чего видно, что женихъ уже не есть самъ Гандхарва (Böhtl. u. Röht WB.). Кажется и у Славянъ было вѣрованіе въ большую божественность невѣсты и вообще дѣвицы, чѣмъ мужчины, но по болѣе древнему представленію они въ этомъ отношеніи равны. Женихъ и невѣста оставляютъ свои небесныя жилища, чтобы воплотиться на землѣ. Путь на землю лежитъ имъ по небу; но небо есть море или рѣка ¹⁾ съ перекинутымъ черезъ нее мостомъ или и безъ него: поэтому женихъ и невѣста бредутъ или переѣзжаютъ черезъ рѣку, переходятъ черезъ мостъ. и т. п. Таковъ, если не ошибаюсь, первоначальный образъ, съ нѣкоторыми измѣненіями дожившій до нашего времени въ приводимыхъ ниже пѣсняхъ и повѣрьяхъ. Мифическое его оправданіе давно забыто, и онъ держится только силою косности, служа для наблюдателя однимъ изъ доказательствъ того, что многое въ современной народной поэзіи необъяснимо внѣшними условіями и особенностями быта.

¹⁾ См. въ концѣ статьи примѣчаніе 1-ое.

Одинъ изъ боговъ, по Индійскому мнѣю, обладающихъ невѣстой до ея выхода замужъ, Агни, представляется соколомъ. Въ такомъ же образѣ представляется и земной женихъ въ слѣдующей, безъ сомнѣнія величальной пѣснѣ, въ которой и сравненіе невѣсты съ бурей имѣетъ мифическое основаніе (0 мнѣ. зн. и пр. 203-4).

....Бурею Наталья-свѣтъ всѣ лѣса прошла.
Бурею Павловна всѣ темные лѣса.
Крыла лѣса, крыла лѣса алымъ бархатомъ,
Катила она, катила она золотымъ перстнѣмъ,
Прикатила, прикатила по круту берегу,
Кличетъ она, кличетъ она громкимъ голосомъ:
«Есть ли здѣсь, есть ли здѣсь перевозчики,
Кто бъ перевезъ, кто бъ перевезъ на ту сторону?»
Что выговорить, что выговорить да Степанъ — сударь:
«Я за тобой, Наталья-свѣтъ, я корабль пришлю,
Я за тобой, свѣтъ Павловна, раззолоченный».
— Не присылай, не присылай корабля за мной,
Не присылай, не присылай раззолоченнаго:
Корабль — судно качливое,
А я дитя у батюшки пугливое. —
«Я за тобой, Наталья свѣтъ, я коней пришлю,
Я за тобой, свѣтъ Павловна, со боярами».
— Не присылай, не присылай ты коней за мной,
Не присылай, не присылай со боярами:
Бояре-люди смѣшливые,
Я-жъ дитя у матушки стыдливое. —
«Я за собою, Наталья свѣтъ соколомъ прилечу,
Я тебя свѣтъ Павловна подъ крыломъ унесу».

(Кохановской, Остатки боярскихъ пѣсень 141-г. Русс. Бес. 1860, II. Болѣе блѣдный вар. у Сах. Ск. Р. Н. I. свад. п. 115 — 20). Соколъ очень обыкновенный образъ жениха (Костом. Объ Ист. зн. Русс. нар. п. 75), при чемъ невѣста представляется или чело-вѣкообразно (Кар. Пјес. I, 61, 318, 319, 320) или другою птицею: галкою (Мет. 177, 178, 179), уткою (Сах. Ск. Р. Н. I свод. и. 138), голубкою (ib. 128), соколи-хою (Кар. ib. 46). Б. м. образъ, заключенный въ послѣднихъ двухъ стихахъ выше приведенной пѣсни (соколъ, уносящій подъ крыломъ дѣвицу), предполагаетъ другой, въ родѣ слѣдующаго:

Полетио соко тица сива
....И он носи тицу ластавицу.
То не био соко тица сива,
Веће био светитель Илија!
Он не носи тице ластовице,
Веће книгу од Богородице (Кар. Пјес. II, 295).

Какъ съ одной стороны представленіе Громовника (Ильи) соколомъ—черта, принадлежащая глубочайшей древности, такъ съ другой кажется новымъ представленіе письма ласточкой. М. б. первоначально эта ласточка-невѣста Сокола.

Въ трехъ слѣдующихъ пѣсняхъ соколъ уже не есть женихъ; онъ только оказываетъ ему услугу, перенося для него невѣсту, или его самого съ невѣстой и свахами, черезъ рѣку.

Колядка (величанье) паробку.
 Ей въ полі, въ полі, въ чистейкімъ полі
 Тамъ же мі стоить зелений явірѣ,
 На яворойці сивъ соколойко,
 Сиві соколойко віє гніздойко,
 Ей віє, віє, перевиває,
 Барвіничейкомъ го покладає,
 А въ середину кладе тисину,
 А завершує сухимъ золотомъ
 Тамтоди лежить давня стежейка,
 Стежейковъ іде молодой паничѣ,
 Молодой паничѣ на сивимъ коні,
 Еи мірять стрілять до сивъ сокола.
 «Не стріляй мене, молодой пане!
 Ой якъ ти підешъ за тихій Дунай,
 За тихій Дунай по красну панну,
 То я ей тобі перепроваджу,
 Перепроваджу и перенесу,
 Своіма хорти я пересвишу (?)
 Єі чижемки я не замочу (Голов. Пѣсни II, 60)
Сивъ сокілѣ каже: «не стріляй мене,
 Не стріляй мене, не рубай мене!
 Коли ти будешъ ой женитися,
 Я тобі стану ой въ пригодоньці...
Тебе молодую самъ перепровожу,
 Твою княгиню на крильці возму,
 А твои гроші возму на ноші (ib. 68)

Свадебная. Долеће сиви соколе,
 Долеће Петру на дворе;
 Излази Петро (женихъ) делија,
 Сокола стаде плашити.
 Говори сиви соколе:
 «Немој ме, Петро, плашити;
 Доћи ће бр'јеме—година,
 Мене ћеш, Петро, молити.

И стаће (преграждать путь) воде Дунави
 И друга бистра језера,
 Онда ћеш мене молити,
 Да твоје свате преведем
 И тебе с Аном пренесем (Кар. Пјес. I, II).

Безъ сдѣланнаго выше предположенія, что соколъ есть мифическое лицо, первоначально тождественное съ женихомъ, что онъ переноситъ невѣсту черезъ небесную рѣку на его сторону, т. е. на землю, было бы непонятно, почему невѣстѣ нужно непосредственно переправляться черезъ воду, и съ какой стати славильщикамъ пришло въ голову величать жениха тѣмъ, что ему при женидьбѣ поможетъ соколъ? Но понятно, что это дѣйствительное величанье, когда говорятъ хозяину, что боги посѣщаютъ его домъ (Омио. зн. нѣгот. обр. 17, 20, 22 слѣд.), или жениху — что боги устроятъ его свадьбу (ib. 38, пѣсня о золоторогомъ оленѣ, подобная вышеприведеннымъ о соколѣ).

Въ слѣдующей свадебной пѣснѣ невѣста перевозитъ черезъ море сватовъ на вѣткѣ, жениха на вѣткѣ розмарина. Эти странные суда — символы дѣвства («Кад-долазе мушхулугджије», вѣстовщики):

... «Наш војвода, камо ти сватови?»
 — Остали се на мору возећи.
 «Наш војвода, ко возар бијаше?»
 — Возар беше госпођа девојка:
 Све сватове на венцу превезе,
 Младожену на струк'рузмарина (Кар. Пјес. I, 44).

Согласно съ этимъ смыслъ слѣдующей колядки тотъ, что у величаемой дѣвицы много жениховъ, но что ей теперь не до нихъ, за семейною радостью:

Дівка Ориночка перевізъ держала;
 Перевозила царівъ, та панівъ, та отецькихъ синівъ.
 Наіхало до неї сімсоть молодцівъ:
 «Перевези жъ насъ дівко Оришечко!»
 — Коли-жъ мені васъ та перевозить?
 Прихавъ до мене братикъ зъ війська-дороги.
 Вінъ привізъ мені та три радости:
 Первая радість — зелена сукня ¹⁾,
 Другая радість — золотой перстень;
 Третья радість — пердова камка...
 ... Та-бувай здорова, дівко Оринко и пр. (Метл. 333).

¹⁾ Свадебное платье? И невѣста-земля «у зеленой сукни зъ білими басанами». Ср. «Та не кажіть мої мамі, що такъ марне загинувъ. Але кажіть мої мамі, що (его невѣста) три барві на рікъ бере: На весну зеленую, въ осенѣ чорненькую, а въ зимі біленькую. (Zeg. Paul. I, 158).

На дѣвичникѣ невѣста говоритъ:

Кто бы меня за рѣчку перевезъ,
Много бы дала тому золота,
Больше бы того — скатна жемчугу.
Не откуль взялся Агафонъ господинъ (женихъ),
... Онъ лодочку спускаетъ на быстру рѣку.
... «Ужъ чѣмъ тебя дарить (за перевозъ) добрый молодецъ?
Есть у меня золота казна,
Жемчугъ дорогой, платье цвѣтное»
— Мнѣ не надо твоя золота казна,
Жемчугъ дорогой платье цвѣтное:
Подари собой, мое сужено,
Мое сужено, мое ряжено (Гуляевъ Оч. Ю. С. 10).

Эта пѣсня есть варіантъ вышеприведенной: Бурею Наталья-свѣтъ всѣ лѣса прошла.
Невѣста или женихъ бредутъ черезъ рѣчку:

Teče voda Lidečkem
Tým fojtovým dvorečkem.
Kdo tu vodu pobřeде,
Ten panenku povede

(т. е. возьметъ за себя дочь войта);

Kdo tu vodu pit' bude,
Hezku ženu mět' bude (Mor. Nár. P. Suš. 423).

Пить значить любить (О нѣкот. симв. 12 слѣд.).

Тече річка невеличка, схочу-перескочу;
Віддай мене, моя мати, за кого я схочу.
Ой сама я не знаю, що робити маю:
Чи плисти, чи брести, сама не згадаю,

т. е. она не знаетъ, выходитъ ли ей замужъ, или нѣтъ.

Переходомъ къ слѣдующему пусть служить свидѣтельство словъ лат. *pons* и лит. *tiltas* о связи представлений перехода, брода и моста.

Лат. *pons*, мостъ, греч. *πόντος*, море, первоначально значить тоже, что скр. *пантан-паттин-патн* (3 темы въ одномъ скл.) дорога, *пáтнас* (изъ *пантнас*) стезя, слав. *пѣть* (тема *панти*), нѣм. *pfad*, стезя и *rad, rat* (Нижн. нѣм.), тропа черезъ ручей (слѣдовательно бродъ). Относительно связи пути и моря ср. выраженіе грамоты «море-путь Божій, всемірный, неразградимый». Тотъ-же эпитетъ въ мр. пѣснѣ: «иди-жь ти у божу путь» (Метл. 15). Эпитетъ этотъ подкрѣпляетъ мнѣніе Куна, что *πόντος*, *pons* не непосредственно отъ основного зн. пе-

решили къ значенію моря и моста. Какъ скр. *pāthas* означаетъ въ Ведахъ небесный путь, путь облаковъ, путь, по которому жертвы восходятъ къ богамъ, такъ *pāthas* значило сначала небесный путь, а потомъ и морской. Что *pons* (тема *ponti*) прежде могло относиться къ небесному пути и мосту, видно изъ *ponti-fex*, соответствующаго по знач. Скр.—му *pāthi-kṛit*, собств. дѣлающій путь, т. е. пролагающій путь къ богамъ. Эпитетъ *pāthi-kṛit* носитъ богъ *Bṛihaspati* или *Brahmāspati*, господинъ (умственного) возвышенія, т. е. молитвы, этотъ, какъ выражается Кунъ, *roni-fiteh maximus* Индійцевъ періода Ведъ; *pāthi-kṛich charuḥ* (чару, родъ жертвенной каши съ молокомъ, поминальная кутья) есть примирительная жертва, «пролагающая путь» (т. е. другимъ жертвамъ или мольбамъ), п. ч. она назначалась жрецамъ въ случаѣ неправильности задушной (поминальной) жертвы, необходимой для блаженства усопшихъ (Статья Куна въ *Zeit. f. v. Spr.* iv, 73 слѣд.).

Лит. *tiltas*, мостъ, по звукамъ тождественно съ скр. *tārthā* (м. и ср. р. кор. тар, переходить), путь, улица, стезя, особенно къ водѣ; отсюда—водопой, мѣсто для купанья, особенно для очистительныхъ обрядныхъ омовеній, бродъ. Последнее значеніе можно предположить и въ лит. словѣ; бродъ, по времени, предшествуетъ мосту.—Въ самомъ, до сихъ поръ необъясненномъ, словѣ мостъ можно искать значенія пути на слѣдующихъ основаніяхъ: с передъ *m* можетъ быть изъ зубн. зв. *ḍ*, *t*, *th*; слав. *m* въ нѣсколькихъ случаяхъ соответствуетъ скр.—му *n*, напр. въ польс. *kłamać*, чеш. *klamať*, вратъ,=скр. *klāp-a-jati* (=влāпajати), шумѣть, неразборчиво говорить, джалп-ати, говорить, славить (съ чѣмъ ср. лит. *kalba*, рѣчь, и сродн.); въ мы-ть = скр. *nū*, очищать; б. м. въ мрѣжа, если онъ отъ скр. кор. *pṛidj*, вязать ¹⁾. Такимъ образомъ вѣроятно, что мостъ относится къ корню пад (скр. идти и падать) или *pāth* (идти).

Есть довольно ясныя славянскія свидѣтельства о представленіи небеснаго пути и вообще неба мостомъ.

Небо есть твердый покровъ ²⁾ или помость, который въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ и проломиться: «Такъ се наде мною небо не ломило! Тако се небо нада ме не проломило!» (Карадж. Посл. 309). Сестра отвѣчаетъ брату на предложеніе выйти за него замужъ:

О чу ли ме, мој брате Стефане!
Преће би се небо проломило,
А на небо сунце погинуло,
Но узела тебе господара (Кар. Шес. II, 125);
Не може ми закон поднијети,
Да каурин Турске буле любви:
Небо би се ведро растворило,
А из неба паднуло камене,
Убило би и мене и тебе (ib. 615.)

¹⁾ Всѣ три сблиз. Гильфердинга.

²⁾ «Покрышка» въ мр. «щобъ тобѣ ни дна, ни покрывки!» т. е. ни земли подъ ногами, ни неба надъ тобою.

Не смијемо цркви ударити ¹⁾:
 Ведро би се небо проломило,
 А пануло студено камене (ib. III, 67);
 Санак снила Иванова мајка...
 Ће се ведро небо проломило,
 Сјајан мјесец пао на землицу (ib. 223).

Небо есть токъ (отъ теку; ср. лит. *takas*, стезя, тропа, и *drogoc*, ристалище), именно металлическій, по связи свѣта и металловъ. Такъ Яга баба бьется съ царевичемъ на мѣдномъ току, а богатырь со змѣемъ—на чугунномъ и мѣдномъ, серебряномъ или золотомъ (З. о Ю. Р. II, 52; Аѳ. Ск. v, 120 и пр.). Разумѣется, эти поединки происходятъ первоначально на небѣ.

Такія представленія, въ соединеніи съ представленіемъ неба рѣкою, легко могли дать представленіе неба мостомъ, которое тоже встрѣчается въ сказкахъ, на пр. Аѳ. II, 101, гдѣ богатырь бьется со змѣемъ, пожравшимъ солнце на мосту и Аѳ. VIII, 58 слѣд., гдѣ змѣй для битвы съ богатыремъ дѣлаетъ по морю ледяной мостъ. Г. Аѳанасьевъ ib. 367 думаетъ, что здѣсь змѣю приданъ «зимній характеръ», что дѣланье ледяного моста означаетъ: «цѣпнящее дыханіе холоднаго вѣтра леденить воду». При этомъ упущено изъ виду, что ледъ, по своему сходству со свѣтомъ и металлами (См. Grimm Wörterb. cis), можетъ быть замѣною вышеупомянутыхъ металлическихъ токовъ и что согласно съ этимъ ледяной мостъ есть свѣтлая небесная твердь. Не думаю, чтобъ небесный мостъ былъ всегда радуга. Такъ на пр. въ загадкѣ: катилися каточки (звѣзды) по ягнову (ясному?) мосточку, увидѣли зорю, попадали въ воду (Даль. Посл. 1061) мостъ есть очевидно не небо. (См. примѣч. 2 въ концѣ ст.). Впрочемъ и радуга, сама по себѣ, могла представляться мостомъ, на пр. въ сказкахъ, гдѣ жениху задаютъ построить заночь мостъ—золотая мостина—серебряная мостина. По всей вѣроятности и «калиновый мостъ», черезъ который переѣзжаетъ Илья Муромецъ (Кир. Пѣсни 1, 5, VI, VII, XIX) есть первоначально-небесный. Черезъ калиновый мостъ лежитъ путь въ рай:

Ой черезъ воду тай черезъ Дунай
 Стоять мостоньки калинові,
 Калинові покощені,
 Покощені жуковинами.
 Ой ишовъ ними господаренько.
 Тай зостріває два три ангели:
 «Най Бігъ, помай Бігъ, господареньку!»
 —Бодай здорові два три ангели!
 «Ой дежъ ти идешъ, господареньку?»
 Ой я-жъ бо иду въ рай дороженьки.

¹⁾ Напастъ на...

Вернижъ ся зъ нами а зъ ангелами.
 Право-жъ ти буде въ рай дороженька.»
 Ой взяла-жъ его по підъ плеченька.
 Тай понесли-жъ го въ рай дороженьки... (Голов. пѣсни II, 27).

Въ этой колядѣ славится благочестіе хозяина, изображенное тѣмъ, что онъ ищетъ дороги въ рай. Лѣта молодая, счастливая доля уходятъ отъ человѣка (на небо) по калиновому мосту:

Ой з-за гори изъ за кручі орли вилітають; ¹⁾
 Не за знаю я роскоші, вже й літа минають.
 Запрягайте коні въ шори, коні вороні,
 Догоняйте літа мої, літа молоді.
 Чи догнали— не догнали въ калиновімъ мості:
 «Вернітеся літа мої хочъ до мене въ гості?»
 — Не вернемось, не вернемся, не маємъ до кѣго:
 Не вміли насъ шанувати, якъ здоров'я свого. (Метл. 106)?
 Ой запряжу сірі воли, вороні коні,
 Да поїду догоняти щасливої долі.
 Якъ нагнала щастя й долю на калиновімъ мості
 «Вернись, вернись, щастя й доле, та до мене въ гості!»
 — Не вернуся я до тебе, була я у тебе,
 Було тобі (тоді?) шанувати, було полагати (Метл. 253; 254); ср.
 O asz grinzdinizan tiltelin Wēno sidabreljo,
 Kad pagrinszczan pās moczuzem im jaunas dēneles.
 Zalios, žalios dar ruteles Zalios dar rozeles,
 Ale sawo jaunas dēnas Dangiaus ne matysin (Nesselm. 197), т. е.

Заставилабъ я помостить мостъ изъ одного серебра, еслибъ могла (по немъ) воротиться къ матери въ молодые дни. Зазеленѣтъ, зазеленѣтъ еще рута, зазеленѣтъ и роза (символы дѣвической жизни), но своихъ молодыхъ дней больше не увижу.

Калина, по своимъ постояннымъ эпитетамъ и какъ символъ дѣвства, красоты, любви²⁾, предполагаетъ связь со свѣтомъ, и этимъ объясняется, почему небесный мостъ калиновый.

Черезъ такой калиновый мостъ, или просто черезъ мостъ, кладку переходятъ женихъ и невѣста. Послѣ сказаннаго выше это не требуетъ объясненія.

Свадебная. Ахъ ты Дымка, Дымка рѣка,
 Промежду, Дымка, горь протекла
 Черезъ Дымку быстрюю рѣку

¹⁾ Между первымъ и вторымъ стихомъ противоположеніе. О нѣкот. симв. 5.

²⁾ Мое соч. о пѣют. симв. 45. Принятое тамъ сближеніе словъ калина съ калить, кажетъ ся, ложно, п. ч. калить—Лит. kaliti бить, ковать и значеніе жара, огня и краснаго цв. можетъ быть развѣ позднѣйшее.

Мощены мосты калиновые,
 Перекладины то валежныя.
 Что никто по мостамъ нейдетъ,
 По калиновымъ не перейдетъ.
 Какъ Иванъ (женихъ) по мостамъ пройдетъ.
 Какъ Михайловичъ то перейдетъ.
 За собою онъ Аксинью ведетъ,
 Николаевну переведетъ,
 Самъ онъ дѣвущкѣ наказываетъ:
 «Ты, Аксиньюшка, не упади,
 Николаевна, не утони.
 —Я хоша, сударь, упаду,
 Хоша упаду, не утону:
 Не схватаюсь я за батюшка,
 За родиму свою матушку, —
 За тебя, сударь, схватаюсь,
 За твои то руки бѣлыя,
 За твои перстни злаченые. (Гул. оч. Ю. С. 31.)

Свадебная. Ты зоряль моя, зорюшка,
 Зорюшка вечерняя 2.
 Солнышко восхожее!
 Высоко восходило,
 Далеко освѣтило
 Черезъ чистое поле,
 Черезъ синее море,
 Черезъ быструю рѣку,
 Черезъ широкую рѣку.
 Какъ на той на рѣченьки
 Да лежала досечка
 И тонкая и гибкая.
 И досечка дубовая.
 Какъ по той по досечки
 Никто не хаживаль,
 Никого не вазиваль.
 Перешель Михаилъ сударь,
 Перешель Гавриловичъ,
 Перевель Анфисычку,
 Перевель Гавриловну,
 Переведши онъ ее.
 И цѣлуетъ и милуетъ,
 Бѣшко къ сердцу прижимаетъ. (Са.. Ск. 1, 3, 115.)

Свадебная. Черезъ рѣченьку черемуха лежала,
 Да никто по черемухѣ не ходитъ,
 Лишь одинъ Иванъ переходитъ,
 Свѣтъ Федоровичъ переходитъ,
 Душу Дарьюшку переводитъ,
 Переводитъ онъ ее, цѣлуетъ
 Черезъ низаное ожерелье.
 Черезъ пуговики золотыя. (ib. ср. 130 Терещ. II 200, IV, 149-150.)
 Ой ночка ты ночка осененькая!
 Головка, головка побѣдненькая!
 Мнѣ ночка не спится безъ миленькаго.
 Безъ мила мила дружка нападеть тоска.
 Безъ любезнаго грусть великая.
 Я пойду съ горя въ садъ разгуляюся.
 Я на рѣчку сойду прогуляюся.
 А тамъ за рѣкой ходитъ мой милой,
 Машетъ мнѣ рукой, рукой правою.
 Шляпой черною.
 «Сударушка, перейди! красавица, перейди!»
 —Ахъ я рада-бъ перешла, переходу не нашла.
 Переходецъ нашла—жердочка тонка,
 Рѣчка глыбока, водица мутна,
 Улица грязна, матушка грозна:
 Ходить не велитъ, съ тобой говорить. (Кохановской. Нѣсколько
 Русс. пѣсень, 66-7. Русс. Бес.)

Если бъ эту пѣсню разсматривать не въ ряду съ предыдущими и слѣдующими, то можно бы всѣ ея подробности принять за изображеніе дѣйствительныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ надо и то замѣтить, что символъ приводится на память не только личнымъ состояніемъ пѣвца, но и внѣшними обстоятельствами.

Пійшла би я на кладоньку, кобимъ не упала;
 Пійшла бимъ я за нелюба, кобимъ не пропала (Коломыйки, Львовъ 1864, 43).

Веснянка. Ой снодо, снодо (?) тонкая,
 Ой якъ то снодо тонкая!
 Була въ мене невіхна такая.
 Та мостила мости изъ трости, 2.
 Та гатила гати изъ мѣяти, 2.
 Становила ставни золоті, 2.
 Вішала шнури шовкові, 2
 Та чіпляла дзвони сніжові, 2
 Слала китайку по морю. 2

Ой туди їхавъ нелюбъ мій. 2
 Та не бряжчіть, мости изъ трости! 2
 Та не пахніть, гати изъ м'яти! 2
 Та не майте, шнури шовкові! 2
 Та не дзвоніть, дзвони снижові! 2
 Та не май, китайко на морі! 2.

Потомъ повторяются первые 9 ст. съ варіантами: во 2-мъ ст. сходи (?) вм. снодо, треневи вм. изъ трости въ 4-мъ. За тѣмъ:

Ой туди їхавъ милий мій 2
 Та забряжчіть мости треневи!
 Та запахніть, гати изъ м'яти!
 Та засяйти, стовни золоті!
 Та замайте, шнури шовкові!
 Та задзвоніть дзвони снижові,
 Та замай, китайко, по морю.

Въ своемъ соч. О миѳ. зн. нѣкот. обр. и нов. 22, приводя пѣсню «Ой мостите мости зъ зеленої брости», я сказалъ, что мощеніе мостовъ есть символъ ожиданія. Вслѣдъ за тѣмъ я прибавилъ, что мощеніе мостовъ о веснѣ можетъ быть воспоминаніемъ о небесномъ мостѣ, по которому боги сходили на землю. Теперь я думаю, что и въ пѣснѣ «Ой мостите мости», въ которой по этимъ мостамъ переходитъ не отецъ, не мать, а милый, и въ выше приведенной веснянѣ, мощеніе моста выражаетъ ожиданіе именно брака и слѣдовательно имѣетъ связь съ представленіемъ неба мостомъ. Подобнымъ образомъ въ свад. п невѣста для бояръ

Помостила мости зъ калиновой троши,
 Та погатила гатки то зъ рутки, то зъ м'ятки. (Метл. 219)

Въ то-же время, т. е. когда молодой собирается домой и когда расходятся гости въ Польшѣ (u Kurpiów) поютъ:

Narządzaie belki w kalinowym moście,
 Bo tedy pojedą Jaśienkome goście (Wójc. II, 105).

Одинаково съ мр. пѣснею, въ которой дѣвица моститъ мости «зъ зеленой брости» (ожидая къ себѣ то отца, то мать, то брата и сестру и дождавшись только того, что пріѣхалъ по тѣмъ мостамъ милый), построена слѣд. Вр. круговая:

...По той ли рѣченькѣ калиновый мостикъ,
 На томъ на мосточкѣ лежитъ мостовина
 На той мостовинѣ сидитъ голубина и воркуетъ:
 «Завтра поутру радость будетъ,
 «Веселья прибудетъ, батюшка будетъ!»
 Дѣвица отвѣчаетъ:

— Не воркуй, не воркуй сиза голубина:
 Это мнѣ не радость, это не веселье.
 Съ этого веселья не могу вставати,
 Головы поднять, огонь выскати,
 Воротъ отворяти, батюшку встрѣчати.

Не радость и то, что матушка будетъ. Въ третій разъ голубъ воркуетъ, что милень-
 кій будетъ. Тогда дѣвица отвѣчаетъ:

Вотъ это мнѣ радость, это веселье,
 Съ этого веселья я могу вставати и пр. (Гул. Оч. ю. С. 93—4).

На изложенномъ значеніи моста основано слѣдующее гаданье о женихѣ: «Дѣлаютъ изъ прутиковъ мостикъ и кладутъ его подъ подушку во время сна, загадывая:» кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ переведетъ меня черезъ мостъ. «Сіе разумѣтся, что должно ей во снѣ то присниться» (Абевега 1-е изд. 151—2); «налить воды въ тарелку, положить на нее нѣсколько соломинокъ въ видѣ мостика и поставить себѣ подъ кровать. Суженый прійдетъ перевести неvěсту черезъ мостъ» (Маркевичъ, обы-
 чай и пр. Малороссіянъ 21). Татьяна Пушкина — «Русская душой» и ей снится Русскій сонъ:

Ей снится...

Потокъ не скованный зимой;
 Двѣ жердочки склеенны льдиной,
 Дрожащій, гибельный мостокъ,
 Положены черезъ потокъ...
 Какъ на досадную разлугу,
 Татьяна ропщетъ на ручей;
 Не видитъ никого, кто руку
 Съ той стороны подалъ бы ей.

И вотъ ... Большой взъерошенный медвѣдь...

... Лапу съ острыми костями
 Ей протянулъ; она скрѣпясь
 Дрожащей ручкой оперлась.
 И боязливыми шагами
 Перебралась за ручей;
 Пошла — и чтожъ? медвѣдь за ней (гл. V, XI—XII).

Этотъ сонъ предвѣщаетъ выходъ за мужъ, хоть и не за милаго.

Примѣч. 1-ое. Изъ многихъ доказательствъ этого извѣстнаго положенія приведу здѣсь одно. Въ серб. пѣснѣ св. Ильи будить спящаго среди рая св. Николая, которому, по раздѣлу власти между святыми, достались «воде и бродове» (Кар. пјес. II, 3), и говоритъ ему:

«Та устани Никола!

Да идемо у гору (въ лѣсъ).

Да правимо корабе,

Да возимо душице

Съ овог света (т. е. изъ рая) на онаі (Кар. пјес. I, 134).

Примѣч. 2-ое. Великій постъ представили или существомъ идущимъ по мосту, или, что чаще, самимъ мостомъ: «Посреди великаго поста пекутъ кресты, и съ этими крестами сажаютъ кого либо на ночь на печь, чтобы онъ подслушивалъ, какъ перейдетъ половина поста. Когда что нибудь треснетъ въ переднемъ углѣ избы, тогда означаетъ, что постъ перешелъ свою середину» (Терещ. VI, 19—20). На канунѣ 40 мучениковъ матери не даютъ спать дѣтямъ, заставляя ихъ слушать, какъ переломится постъ по поламъ; для этой же цѣли накрываютъ ихъ рѣшетомъ и бьютъ сверху палкой (ib.). Загадки, означающія постъ: Стоитъ (мостится) мостъ на семь верстъ, на мосту дубъ (кустъ), на дубу (на кусту) цвѣтъ во весь бѣлый свѣтъ; стоитъ мостъ на семь верстъ, наконецъ моста золота верста (Свѣтл. праздн. Даль. Посл. 21. Ср. Маркевичъ, Обыч. и пр. 3). Какъ и въ другихъ случаяхъ время представляется пространствомъ (См. мою ст. О связи нѣкот. предст. Фил. Зап. 1864, III, 113—114), такъ и здѣсь семинедѣльный постъ — мостомъ (небеснымъ) на семь верстъ.

А. Потебня.

1866.

